

(БЗ) Просвещение

Увидел в сетях призыв: «Сократи свою речь до смысла». Звучит очень ярко и логика примерно ясна – хватит уже пороть чушь, начни говорить по делу. Однако в этом правильном и своевременном призыве (ибо, ну сколько ж можно-то уже, в самом-то деле!), мне видится скрытая опасность крена в совсем другую сторону.

Ведь смысл — лишь небольшой диапазон всего информационного спектра, передаваемого речью. Сокращенная до голой семантики, живая человеческая речь рискует превратиться в содержательный, но мертвый монолог говорящей машины.

Хотя, конечно же (как мне на это тут же возразили в сетевом споре), на десять человек, которым стоило бы подружиться со смыслом, едва ли придётся и один, кому грозит стать говорящей машиной.

Все так. Согласен.

И тем не менее, «подружиться со смыслом» вовсе не одно и то же, что – «сократить свою речь до смысла».

Например, в знаменитом, на спор написанном рассказе Хеменгуэя из шести слов речь сокращена отнюдь не до смысла, а до подтекста, за которым раскрывается трагедия, целая история настоящего пережитого человеческого горя. Спор, собственно, был о следующем. Хеменгуэй сказал, что может написать рассказ из шести слов, который растрогает любого. И конечно выиграл спор: «For sale: baby shoes, never worn».

«Продаются детские ботиночки. Неношеные».

Речь — штука многоплановая, причем планы в ней сочетаются не линейно, а вообще Бог весть как. За прямым смыслом — целый букет смыслов ассоциативных, эмоциональных, метафорических и еще таких, которым я просто не знаю названия. Прямой же смысл в речи — лишь необходимый минимум, с потерей которого она теряет свою коммуникативную функцию. Но еще Шекспир говорил: «...Сведи к необходимости всю жизнь, И человек сравняется с животным».

Наверное, самый наглядный (хотя, отнюдь не единственный) пример невозможности обеднения речи до голого смысла — стихи. Первое, что приходит в голову:

- **Я знаю, никакой моей вины**
- **В том, что другие не пришли с войны,**
- **В том, что они — кто старше, кто моложе —**
- **Остались там, и не о том же речь,**
- **Что я их мог, но не сумел сберечь,-**
- **Речь не о том, но все же, все же, все же...**

Эту поэтическую речь Александра Твардовского тоже можно свести до смысла, которого окажется совсем немного: человек уцелел на войне, и беспричинно испытывает вину перед погибшими на ней.

С точки зрения смысла такое сокращение вполне рационально: никакой большой рефлексии, повторов, сбивчивых и оборванных фраз. Но при этом речь умирает, исчезают тонкие оттенки, вплетающие этот локальный, ограниченный смысл в мозаику других смыслов, составляющих общую картину человеческой культуры и шире — человеческого бытия в целом, общей трагедии всего мира.

А самое главное, при сокращении речи до смысла мы можем столкнуться с очень неожиданным прецедентом подобного рода. В истории мировой культуры есть текст, который был сокращен до смысла с такой нечеловеческой силой, что вот уже две тысячи лет свято оберегается от любого лишнего слова. Конечно, это Евангелие. В нем нет лирических отступлений, нет описаний природы, внутренних монологов.

Задача авторов была предельно конкретна — засвидетельствовать в тексте о том, как говорит апостол Иоанн, ...что было от начала, что мы слышали, что видели своими

очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни...

Вот уж где воистину должно было получиться нечто вроде полицейского протокола допроса свидетелей.

Однако вместо этого получился гипертекст, пожалуй, самый многослойный из всех, когда-либо прочитанных человечеством. Почти каждая его фраза пронизывает целые культурные пласты, отражаясь то тут, то там в виде картин, аллюзий, фразеологизмов, крылатых фраз.

Но что еще удивительнее, этот предельно упрощенный текст обладает необычным свойством. Читая его внимательно, каждый человек может найти там себя. Причем, перечитывая Евангелие в различные периоды жизни, один и тот же человек находит себя сначала, скажем, в «...знавшем и не делавшем, который биен будет много».

Потом, возможно, в Петре, который «...вспомнил слово, сказанное Иисусом: прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько».

Или же, наконец, в той, которая ждала смерти, а вместо этого услышала: «...женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? ...и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грешь».

В столь короткий, по сути – сжатый до прямого свидетельства текст, уместились все состояния человеческой души, вплоть до мельчайших нюансов!

И вот когда бы нам удалось сократить свою речь до ТАКОГО смысла, тогда, пожалуй, можно было бы и не бояться за превращение живой речи в машинный код.

Видимо, все же дело не в процедуре сокращения, а в самих смыслах. Если в речи есть

смысл, хотя бы приблизительно равный евангельскому, то такое сокращение лишь высветлит его, очистит от ненужной шелухи и даст этому смыслу максимальную силу.

Ну а во всех остальных случаях, наверное, все же лучше оставить речь как она есть – с неровностями, шероховатостями, с не вовремя взятым дыханием, с не совсем точно найденным словом.

И чтобы те, кто по разным причинам пока еще не умеет понятно для окружающих излагать свою мысль, все же учились делать это не просто – сводя речь к одному лишь смыслу.

Возможно, это будет для всех нас хотя бы временной остановкой на пути к безупречному с точки зрения смысла общению в стиле: «О'кей, Google! Как пройти в Третьяковскую галерею?»

ТКАЧЕНКО Александр

<http://foma.ru>